

Магомед Бисавалиев

Тайная
тетрадь

Магомед Бисавалиев

Тайная тетрадь

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70495051
SelfPub; 2024*

Аннотация

САЛАМ, ЧИТАТЕЛЬ! Книга, которую ты читаешь – не только плод моего воображения, сплав ностальгии, детских воспоминаний и острой тоски по любимым и ушедшим. Может быть, она так и начиналась, но с каждой написанной главой я все яснее чувствовал, как сквозь строчки прорывается мир моего Джурмута с его людьми и шайтанами, орлами и кавтарами, джинами и животными. Поэтому я не вижу надобности сохранять хронологию событий и выстраивать четкую структуру с логической связью между повествованиями. И ты, читатель, не смог бы. Собеседники у меня были самые разные, а главный среди них – Исмаил из аула Салда общества Джурмут, мой ныне покойный отец. Его памяти и посвящаю я эту книгу. Но был еще один собеседник. Тот, чей голос я со временем научился различать среди всех прочих. Именно он заставлял меня размещать рассказ в рассказе, а тот еще в одном и всюду говорить от первого лица, из-за чего порой тяжело разобрать, кто тут рассказчик и чья звучит история. С уважением, автор.

Магомед Бисавалиев

Тайная тетрадь

Салам, читатель!

Так уж сложилось, что мы тут встретились. Ты не поверишь, я не планировал эту встречу, но судьбе было так угодно. Что ж, буду откровенным. Книга, которую ты держишь в руках – не только плод моего воображения, сплав ностальгии, детских воспоминаний и острой тоски по любимым и ушедшим. Может быть, она так и начиналась, но с каждой написанной главой я все яснее чувствовал, как сквозь строчки прорывается мир моего Джурмута с его людьми и шайтанами, орлами и кавтарами, джинами и животными. Поэтому я не вижу надобности сохранять хронологию событий и выстраивать четкую структуру с логической связью между повествованиями. Какая может быть четкая линия и логика там, где люди и джины творят, что хотят? Я не могу их призвать к порядку. И ты, читатель, не смог бы. Собеседники у меня были самые разные, а главный среди них – Исмаил из аула Салда общества Джурмут, мой ныне покойный отец. Его памяти и посвящаю я эту книгу. Но был еще один собеседник. Тот, чей голос я со временем научился различать среди всех прочих. Именно он заставлял меня размещать рассказ в рассказе, а тот еще в одном и всюду говорить от первого лица, из-за чего порой тяжсе-

ло разобрать, кто тут рассказчик и чья звучит история. Этот собеседник – сам Древний Джурмут, это он через нас всех, через моего отца, тетю, моих старших сестер, через моих родных, знакомых и через меня самого рассказывает о себе. Потому что как бы далеко мы ни уехали, увозим его с собой. Где бы ни жили, останемся его частью. В наших жилах течет общая кровь. Для себя, для близких и для тех, кто способен слышать голос этой крови, я и написал эту книгу.

С уважением, автор.

Детство

Первая печаль и знакомство со смертью

...До школы, в раннем детстве я рос счастливым мальчиком. Отец меня баловал как младшего – только я в семье мог возразить ему. Была сплошная радость, я и не знал иной жизни, кроме той, где улыбки, подарки, похвалы и слова о том, какой я замечательный мальчик. А затем у меня появился младший брат, он был очень подвижным, беспокойным мальчиком. Помню, как я играл с ним, когда он был в колыбели, как мы радовались, когда он начал делать первые шаги, ходить, выговаривать первые слова.

Потом случился несчастный случай. Мама пошла по вызову скорой медпомощи в другой аул, а его оставила с сестрой-школьницей. Та на мгновение отвлеклась, двухлетний мальчик дёрнул за шнур кипящий чайник и опрокинул на себя. Его ожоги долго лечили. Помню, мама всё время делала

ему уколы. Он плакал. Я маму уговаривал не делать, мол, ему больно. Мне объясняли, что ему ещё больнее будет, если не делать. Как я понимаю сейчас, ему никак не могли сбить температуру.

Была зима. В одну из ночей братишка, не умолкая, плакал; мама, не покидавшая его ни на минуту, никак не могла его успокоить. Отца не было дома, кажется, уехал то ли в город, то ли в райцентр по служебным делам. Я проснулся от плача, из-под одеяла смотрел, как мама ласкала братишку, произносила разные добрые слова, чтобы его успокоить. Через мгновение голос мамы пропал, а плач усилился. Вижу, мама головой уткнулась в брата и тихонько плачет, чтобы мы не слышали.

Почему-то я боялся шевельнуться и думал, что мама ещё сильнее заплачет, если увидит, что я не сплю. Не помню, как я заснул, помню только, что, когда проснулся, в доме никого не было. Братья и сёстры куда-то вышли, мама, наверное, возилась со скотиной, только братик в углу комнаты на небольшой тахте лежит. Я подошёл. Вместо красивого, с большими чёрными глазами братика я увидел другого ребёнка. Впалые глаза, от круглых щёчек ничего не осталось, губы ссохлись как у старичка, и на них желтоватый налёт. Он не плакал. Только часто-часто дышал, и в груди у него что-то хрипело.

К вечеру вернулся отец. Они с матерью что-то долго обсуждали тихими голосами. Света не было. Помню почти раскалённую печь, тёплую комнату и отца с мамой, сидя-

щих над больным ребёнком. Тени прыгали, искажая их лица, то превращали в маску страдания, то растягивали в страшном нечеловеческом смехе.

Когда я проснулся, комната была полна народа. Все что-то говорили, иногда перебивали друг друга, хотя и не ссорились. Я не мог разобрать ни одного слова, слышал только гул чужих голосов. Отца и мамы не было в комнате. И тахта, где обычно лежал больной братик, была прибрана.

Во дворе нашего дома отец и ещё один мужик резали козла с большими рогами сероватого цвета. Их лица были мрачные. Чуть дальше от них пылал костёр, и двое мужчин прилаживали над огнём большую кастрюлю. Вместе со сверстниками я бегал вокруг костра – мы все были голодны, хотели мяса и ждали, когда же сварится. Но полной радости у меня не было. Беспокоили две мысли: почему брата нет там, где он всегда лежал, и где мама?

Через какое-то время в наш дом направилась группа мужчин. Они вошли, и почти сразу в доме, где только что было настолько тихо, что он казался пустым, забормотали – всё громче и громче, потом заплакали; кто-то вдруг забился, закричал, будто хотел расшатать стены. Вскоре дверь снова открылась, и из дома вышли мужчины. У них были лица людей, которые страшно хотят сейчас оказаться совсем в другом месте. В проёме распахнутой двери я увидел маму. За плечи и за руки её удерживали несколько женщин, уговаривая вернуться в дом, а она рвалась вслед за мужчинами, быстрыми

ми шагами удалявшимися по узкой аульской улочке. Кто-то из мужчин остановился и, обернувшись, прикрикнул на женщин. Только тогда я рассмотрел: впереди шёл отец и в руках у него было что-то, завёрнутое в жёлтое одеяло.

Детвора побежала по улице за мужчинами, женщины увели в дом мою плачущую маму. А я стоял посреди пустой улицы и не знал: за детьми бежать или к маме идти. Не пошёл ни к кому. Побежал в сарайчик соседей, сел на бревно и заплакал навзрыд. Я плакал обо всём сразу. О маме, которая так громко кричала. О том страшном, что увидел в лице отца, утром резавшего козла. О козле, который хрипел и бился в его руках. И о себе, маленьком, ничего не понимающем, но чувствующем: случилась беда.

Долго я сидел и плакал в том сарае. Руки замёрзли, ноги замёрзли. Меня никто не искал. Да никто и не видел, куда я пошёл.

Дальше помню урывками. Старую женщину рядом с собой. Как она за руку ведёт меня домой. Наш дом, где много людей и вся сельская детвора сидит на полу, жуёт хлеб с мясом. Ещё одну женщину в чёрном, она большим черпаком наливала детям горячий бульон. Другую комнату, где за столом сидят мужчины и отец с ними.

Я никак не мог понять: почему, когда моя мама плачет, весь аул у нас кушает, а дети радуются и шумят? Меня посадили в углу, налили бульон и дали хлеб. Я был очень голоден, точнее, должен был быть голоден, но еда утратила вкус.

Я вяло жевал хлеб, когда меня позвали к маме. В полутёмной комнате сидели, как мне показалось, все женщины аула. Мама молча встала мне навстречу, обняла, посадила возле себя. Она с большим трудом сдерживала слёзы:

– Ты покушал?

– Да... А наш Эльдар где? – начал я, но замолчал, посмотрел на маму, и мы вместе заплакали.

Заплакали и женщины. Там, в тёплой комнате, я и заснул возле мамы. На следующее утро первым делом побежал посмотреть на тахту, где лежал больной брат. Там было убрано. Во дворе девочка лет восьми сказала мне:

– Ваш Эльдар умер... его похоронили... твой папа его похоронил... вон там он... – она указала пальцем в сторону кладбища...

Первые воспоминания

Самое раннее воспоминание детства – это день, когда отец купил новый холодильник. Ясно помню, как я ходил вокруг него. Мне было очень любопытно. Особенно удивило, когда загорелась лампочка внутри. Полочек не было, их сняли, когда холодильник несли домой, чтобы они не попадали. Я был очень рад, в холодильнике горел свет, я забрался внутрь, и отец сказал, что это мой дом. И вдруг дверь закрылась. Свет потух. Я оказался в полной темноте. Мои слабые детские ручки, как могли, толкали дверцу, но она не открывалась. Я плакал, бился, кричал, но и голос мой

был пленником, как и я, даже его не выпускала проклятая дверь! А потом она вдруг отворилась, я выпал, мой крик вырвался наружу и мгновенно заполнил весь дом, каждую его комнату, каждый закуток. Вбежала бледная мама, кинулась ко мне. Как оказалось, старшему брату надоело слышать, что это мой дом, он закрыл дверцу и держал. Сиди, мол, там, если твой. За что получил от мамы прутом по спине.

Ещё помню, как маленький я пошёл на каток. Был большой снег и блестящий каток изо льда, я с трудом ходил по нему и падал всё время. Сестра забрала домой, посадила меня у печи и дала горячую печёную картофелину. Мама пришла и схватила тёплыми ладонями мои замёрзшие щёчки, накричала за то, что долго был на улице, и уложила спать. Старшая сестра легла рядом со мной, укрыла нас одеялом с головой и там, в темноте, чужим хриплым голосом запела песенку старого медведя на джурмутском диалекте аварского языка:

*Дун хIерлъила, хIаликълъила,
Рас хIулила, са бихъала,
Гъубил къомоб – басанлаб къо,
Салибаза – чихIарлаб къо,
Гесенал жсал – чIамулеб къо,
ЧахIаял жсал – хъамулеб къо
Айла, майла мигIил гIоооор...*

В переводе на русский это звучит примерно так:
Постарел я, стал немощным,

*Волосы выпали, да и клыки поредели,
Был день танца на крыше мельницы,
Вырывал из земли корни деревьев.
Мелкую живность грыз разом,
Крупную забирал к себе в берлогу.
Да протекут ныне реки слёз,
И нет возвращения молодости...*

Сестра пела во мраке эту песню, пела низким чужим голосом, а перед моими глазами мелькали картины: мельница, лес, старый медведь, я сам оказывался в каком-то загадочном мире и начинал бояться под одеялом. И, когда страха становилось уже очень много, сестра громко выкрикивала припев «айла, майла мигИл гЮ-о-ор» и сбрасывала одеяло. Радовался бесконечно, что спасся от медведя, от этих страшных картин, что увидел свет. И вот засыпаю я после песенки сестры и вижу во сне себя в тёмном лесу. Иду я по узкой тропе, а ей конца нет. Вдруг появляется старый медведь с высушенным языком и идёт ко мне. Я убегаю и прячусь под деревом, чтобы не заметил, а он подбирается всё ближе и ближе. Я делаю вид, что сплю, медведь всё подходит, я чувствую его ворчание и дыхание... и тут медведь наклонился и коснулся языком моего лица...

«Он весь вспотел! Говорила я вам не выпускать его на улицу?», – ругает мама домашних. Она вытирает мне лицо, а я всё не могу разобрать, мама это или я в объятиях медведя до сих пор. Обрадовался, когда понял, что всё же мама, хотя

она, когда наказывала за баловство и сердилась, сама становилась, как медведь. Я её так и называл. Отец и домашние смеялись, сама мама тоже принимала это вполне нормально, видимо, нравилась ей такая роль в семье. Так и рос в ауле со своими радостями, печальями и надеждами. И со своими страхами, конечно. Природа их могла быть разной, но первое, что они делали со мной – отсекали от всего родного и знакомого, будто в мире остался только я и не от кого ждать спасения. Когда с плоской крыши перед отцовским домом смотрел на вершины дальних гор, мне казалось, что за той вот горой всё обрывается в бездну и там кончается мир. Это пугало. Это было трудно уложить в голове. В мире всё должно было быть предельно ясно. Медведи – в лесу, волки и туры – в горах, лиса – где-то в норе. Были ещё кавтары. Говорили, что иногда вечером возле фермы раздаётся плач, переходящий в истеричный смех, а потом обратно в плач. И что именно такие голоса бывают у кавтаров.

Больше всего я боялся, и дрожь по телу проходила, когда рассказывали, как кавтары убивают своих жертв.

– Ты знаешь, как кавтар убивает? – сказал однажды старший брат. – Они, как волки и медведи, не грызут. Они ловят человека и начинают щекотать живот, ты смеёшься и смеёшься и не можешь остановиться. В это время кавтар смотрит тебе в глаза и смеётся сам тоже. Твой смех глушит смех кавтара. Вот так смеются, потом от смеха задыхаются и умирают люди, попавшие в руки кавтара. И, когда их находят,

все они бывают с улыбающимися лицами.

Как я в школу пошёл

Была осень 1979 года. Я пошёл в подготовительный класс Салдинской начальной школы. С раннего утра мама меня купала, надела на меня молочного цвета рубашку и лёгкий, из тонкой ткани пиджак с вышитым на нагрудном кармане значком октябрёнка с портретом юного Володи Ульянова. Дала тетрадку с ручкой и отправила в школу.

Был яркий солнечный день, и каждый встречный односельчанин шутками, смехом провожал меня. Я сел за первую парту, хотел стать отличником, мотивация была серьёзная.

Оказалось, непросто это, и не получилось – ужасно рисовал и математику не любил.

В классе у нас было шесть мальчиков и четыре девочки. Преподавать к нам в подкласс пришёл мужчина средних лет, он играл на зурне во время сельских свадеб и других торжеств. Я удивился, когда увидел его в роли учителя; кажется, и сам он ещё месяц назад не представлял такого поворота. Но к сентябрю выяснилось, что учителей не хватает, и он стал преподавать нашему классу.

Он следил, чтобы мы правильно сидели за партой, учил, как класть руки на стол, объяснял, что нельзя толкаться, разговаривать, шуметь, что надо внимательно слушать его. Он был добрый и хороший человек, и учитель, кажется, неплохой был – с юмором, мог детей расположить к себе. Но я с трудом понимал, что он говорил. Говорил он на авар-

ском, но не на том, на котором мы в селе разговаривали, а на книжном, литературном аварском.

Книжный аварский я слышал от нескольких женщин, которые привозили на ишаках в аул женскую одежду на продажу, и дома на пластинке песни были на этом языке. Слушал песни, подпевал, но смысла не понимал. Русская речь не звучала у нас в горах, разве что по радио; правда, слышал я однажды, как отец говорил на русском с одним геологом и туристами, которые направлялись в Грузию. Телевизор тогда в горах не работал. Детских садиков тоже не было. Вот с таким багажом знаний начали мы изучение «великого и могучего» со слов: мама, хлеб, Родина, река, медведь и т. д.

Прошло два месяца, и нам на дом задали выучить целых два куплета стихотворения на русском. Выучу с большим трудом одну строчку и тут же забываю, мучаюсь с этим проклятым стихом. А ещё слова отца крепко в голове засели: «Ты должен учиться отлично!». Больше всего переживаю за это, не хочу его разочаровать. Время бежит, а я не могу выучить и одной строчки. Старший брат, ученик восьмого класса, прочитал один раз и наизусть рассказывает. Просит меня повторить за ним. Не получается – забываю. Он, насмехаясь, называет меня тупицей. Я плачу и скандалю с ним.

Заходит отец, я заплаканный с потрёпанной книжкой сижу у печки. Он подозвал меня к себе. Лёг на кровать, поправил подушку для себя, потом поднял меня, уложил рядом и спросил: «Что у тебя тут?» Я закрыл книжку, замолчал, от-

вёл глаза от стыда, тихонько заплакал. Подошёл брат и рассказал, что не получается у меня со стихом. Отец взял книгу, открыл на моём стихотворении и начал спрашивать смысл слов, их перевод. Выяснилось, что я не понимаю смысла ни одного слова. Он перевёл каждое слово, показал девочонку с книжкой на иллюстрации и объяснил, в чём смысл этого стиха.

Через полчаса я всё запомнил, этот стих я не могу забыть уже лет сорок:

*«... Я спрятала куклу,
Играть не хочу.
Не буду играть –
Я буквы учу!
Из букв я сама
Составляю слова.
Сама прочитала:
«Трава и дрова.
Дрова на дворе
Трава на лугу».
Теперь, как большая,
Читать я могу...»*

Гениальное стихотворение! Пришёл на урок, учитель спросил: «Кто выучил стихотворение?» В классе молчание, я неуверенно поднял руку. Вышел и рассказал. Журнач в шоке, дети в недоумении от моего непрерывного русского, продолжительностью аж в целых три куплета. Получил первую

пятёрку и сел за парту.

Прошла первая четверть учебного года. Мама поехала в райцентр отчёты сдавать, она работала заведующей фельдшерским пунктом. Отец тоже в отъезде. Учитель дал табель успеваемости и отправил на подпись к родителям. А у меня тройка по чистописанию (была такая дисциплина). Дал старшей сестре на подпись. Она посмотрела и швырнула табель в лицо: «Я троечникам подписи не ставлю...».

Поругался с ней и не знаю, что делать. Утром учитель потребует табель, а там нет подписи. Решил сам сделать подпись сестры, написал ужасным, корявым почерком «Зухра» и пошёл в школу. Учитель сразу узнал почерк на троечку по чистописанию, поругал, что это государственный документ, и пару раз дал указкой по голове. Дети одни злорадствовали, другие жалели юного преступника. Теперь я боялся, что зурнач расскажет это отцу. К счастью, он оказался благородным человеком, не рассказал.

Медвежьи «узлы»,

ночной выстрел и пир в Джурмуте

Я был под сильным впечатлением от рассказов и разного рода страшилок про кавтаров. Ещё брат напугал описанием, как кавтар убивает человека...

Была зима 1977 года. В том году весь Джурмут был в заложниках другого гостя, который, в отличие от джиннов

и шайтанов, наносил серьёзные убытки джамаатам.

Однажды утром брат пришёл и говорит, что ночью медведь залез в наш сарай, одну овцу ранил, другую утащил с собой. Был такой медведь-шатун, который не залёг в зимнюю спячку, а ходил по аулам ночью и забирал овец. Все попытки выследить и настигнуть его были безуспешны – он исчезал. Медведь был очень хитёр и коварен – забирал овец именно из того аула, где не охраняли сараи в ту ночь.

Что только ни придумывали джурмутовцы, чтобы избавиться от него. Один додумался повесить коровью ляжку с капсюлем внутри, с капсюлем, которым взрывают скалы и твёрдый грунт. По замыслу охотника, капсюль должен был попасть под клык и разорвать медведя на куски. Медведь аккуратно съел мясо вместе с капсюлем; видимо, он не попал под клык, и взрыва не произошло. Охотники в очередной раз остались с носом.

Однажды в лунную зимнюю ночь к отцу пришли сельские ребята и сказали, что только что видели, как медведь перед аулом перешёл речку и куда-то направляется. Отец прямо со двора выстрелил наугад и так и не понял: попал или нет. А медведь потерялся в кустарнике возле речки. На следующее утро весь аул собрался вокруг убитого медведя. Там были стар и млад из нашего аула и пострадавшие от медведя из соседних. Выстрел оказался роковым для неуловимого шатуна. Прямо в голову. Один шутник по этому поводу сказал, что не мог Исмаил попасть в медведя с такого рас-

стояния, скорее, медведь сам напал на пулю. В то утро у меня походка изменилась – я был безгранично горд за отца, который убил медведя одним выстрелом. Я не уставал рассказывать детям, какой меткий стрелок и храбрец мой отец. По обычаю Джурмута, шкуру забирает стрелок, мясо раздают всем причастным, а потом и всем желающим, если что-то останется. Ни одного куска мяса медведя джурмутовцы не оставили, всё разобрали люди, чтобы съесть его.

Для людей, скучающих долгими зимними вечерами, это было событием из ряда вон выходящим, праздник и пир на весь мир! Самое яркое – это «Си бугьи». Своего рода презентация добычи или трофея – как хотите. Медвежью голову насаживают на кол. Здоровый, крепкий молодой человек держит на плече кол с медвежьей головой мордой вперёд и идёт по аулу в окружении большой свиты, с ритуальным танцем и песней. Слева от него идёт другой джигит – с медвежьей шкурой и лапами на колу. Справа – сам охотник и его окружение. Мужчины хором перед каждой саклей поют:

*Можер гIака чIвараб гьаб,
Можер хIама чIвараб гьаб,
Можер чахъу чIвараб гьаб,
Можер цIини чIвараб гьаб,
Жекъа гьаб жибгу чIвайла
Муж чIвази щолу боъли.
Аб чIварав бахIарчиги
Нежеа кьоров вугу...*

О чём же песенка? Даю подстрочный перевод:

Вашу корову убил,

Вашего осла убил,

Вашу овцу он убил,

Ваших коз тоже убил,

Сегодня он сам убит,

Чтобы не шёл он на тебя.

А охотник – молодец –

В гостях сегодня у вас.

Выходит из дома хозяин, благодарит стрелка, поздравляет с успехом и даёт что-нибудь человеку с рюкзаком, который собирает подарки. Чаще всего это были чача кахетинская, сушёное мясо или колбаса; были случаи, когда давали деньги. Затем хозяин сакли и сам присоединялся к толпе, чтобы продолжить шествие в свите победителя. Когда обход всех хозяйств аула был завершён, толпа собиралась в доме охотника, где продолжалось веселье. Это было одно из самых ярких воспоминаний моего раннего детства.

Для мальчишки, который только начал познавать мир, это всё было продолжением снов и песен, и сказок сестры, и легенд, которые рассказывали старшие. Вот ходит по аулу медведь – огромный, косматый, опасный – и забирает барашков. Его убивают, и убивает не посторонний человек, а родной отец, который тут же сам будто бы входит в легенды. Я страшно гордился тем, что победил медведя мой отец. А если бы на его месте был кто-то другой, я легко доказал бы

случайность выстрела и то, что мой отец лучше убил бы, чем тот.

Таковы дети в аулах, но какие они бывают здесь, в городе, никак не могу разобраться, хотя сам уже давно отец троих детей.

Дуа Маарухъ гимищ бехъри?

(Видел ли ты в горах буйвола?)

Когда мой дедушка по матери Абдурахимил Мухама из аула Чорода умер, я был маленький. Всего 10 лет от роду. Помню, как он осенью спускался с гор к Джурмуту с отарой овец, помню его голос, его молитвы, лучше всего помню, как собирались у него односельчане, чтобы слушать его рассказы о былых временах, снегопадах в горах и походах в Цор, о людях и событиях. Люди говорят, он был очень интересным рассказчиком. Когда он рассказывал о чём-то, слушатели будто видели живую картину событий, словно это происходит здесь и сейчас. Жаль, я мало что запомнил. Когда дедушка был жив, я был слишком маленьким для этих рассказов, когда его не стало, мне их заново пересказали старшие. С трудом смог восстановить две истории. Обе они про то, как словом можно защитить друга и уничтожить врага. Происходило это вот как.

В один пасмурный летний день в дедушкину дверь постучали. На пороге стоял худощавый мужчина средних лет, он спросил на закатальском диалекте:

– Это что за село, куда я попал?

– Это Чорода... Привяжи коня к столбу и заходи, тут разберёмся, – сказал дедушка и позвал гостя к себе. Приезжий был одет легко, да ещё и промок насквозь. Видно, человек пришёл с Цора, не знает горы и здешний климат. Дедушка дал одежду сухую, затопил печь, предложил гостю поесть и предоставил ночлег. Утром гость сказал, что нет ни одного знакомого человека в горах, а сам он прибыл сюда на отдых, подышать горским воздухом.

– Подыши, друг, сколько тебе дышится, воздух найдётся, горы кругом, да и проблем с жильём и едой тоже у нас нет, – сказал дедушка. Был гость у него недельки две, ходил к речке на рыбалку, собирал лекарственные травы и ягоды в лесу, гулял по аулу и знакомился с горцами. Через определённое время дед положил ему в хурджуны овечьего сыра, зарезал козлёнка, дал на дорогу мяса и провёл в Цор. Через несколько лет дедушка направился в тот же Цор, чтобы закупиться на зиму продуктами. Остановился у своего кунака Гъара Халила в Белоканях. Тот очень обрадовался приходу давнего друга, организовал застолье. Все, кто знал дедушку, собрались у Халила и интересовались житьём-бытьём в горах. Когда застолье было в разгаре, зашёл к ним тот самый дедушкин гость из Цора. Звали его Ширин. Он поздоровался со всеми и сел за стол. Дедушка начал интересоваться, как добрался гость до дома, всё ли у него хорошо. Ширин принялся рассказывать, какой у него крепкий дом, красивый

сад и как ему хорошо живётся в Цоре. И тут же продолжил эмоционально:

– Зачем вы там, в горах, живёте? Там нормальные люди не поживут. Плохие дороги, суровый климат, маленькие неудобные дома. Как можно там жить?! Инжир не растёт там, овощей и фруктов нет, глупые люди... – сказал Ширин. Дедушке очень не понравилось, как какой-то каджар, который всего полдня проскакал верхом, потом трое суток не мог ходить по земле, говорит о горах и горцах. Но он промолчал – не хотелось ему нарушать горский этикет, затевать ссору. Когда Ширин повторно о горах нелестно начал отзываться, хозяин дома Халил вмешался в разговор и спросил:

– Ле, Ширин, ты там, в горах, хоть один гимищ (буйвол) видел?

– Нет – ответил Ширин.

– Гусей видел?

– Не бывают там гуси и буйволы, – ответил Ширин.

– Правильно, буйвол на первой же тропинке споткнётся, свалится с кручи и умрёт, гусь не сможет ходить, задохнётся и сдохнет. Это не их место. Они бывают тут, внизу, кувыркаются в грязи и едят, что подают. Там живут горные туры, которые свободно скачут по отвесным скалам и смотрят на мир со снежных вершин. А в небе парят гордые орлы и питаются кровью и свежим мясом. Они живут мало, но свободной и достойной жизнью. Ты зря туда пошёл, это не твоё место, ты живи тут с буйволами и гусями и не берись оценивать

жизнь орлов, туров и людей, проживающих там достойную жизнь, – сказал Халил. Ширин замолк, а дедушка безгранично обрадовался мудрому и остроумному ответу своего кунака.

После этого у нас в Джурмуте появилось это выражение. «Дуа маарухъ гимищ бехъри?» («Ты в горах буйвола видел?»). И вопрос этот задаётся, если приезжие с равнины, из городов и Цора начинают плохо говорить о горах. А Ширин из Белоканов после этого всю жизнь приезжал в горы за сыром, мясом или мёдом. Но была у него одна черта: каждое лето себе искал нового кунака или новое село, чтобы остановиться в Джурмуте. А это по обычаям гор не очень хорошо, менять кунака. Да и по цорским обычаям это порицаемо, просто у человека был такой непостоянный характер, простим великодушно, у людей ведь разные пороки. А дедушка часто рассказывал про этот случай. Любил он горы и тех, кто разделял эту его любовь.

Мой дед и вор, который воровал своих овец

Мы с мамой из дома вышли на закате дня. Шли по тонкой заснеженной тропинке пешком в аул Чорода дедушку навестить. Мама шла быстрыми шагами, я с трудом поспевал за ней и чувствовал: её что-то тревожит. Поэтому, наверное, и болтал больше обычного, говорил про нашего быка, который должен весной победить всех сельских бычков, про коня-иноходца, которого отец купил в Камилухе, и как я на нём перешёл через Джурмут. Иногда спотыкался и падал лицом

вниз в сугробы, которые намела метель на дорогах. Мама, кажется, не слушала меня. Если прерывался мой рассказ, оборачивалась, возвращалась, стряхивала с меня снег и шагала дальше. К дому дедушки мы подошли, когда уже стемнело. Мой всегда весёлый и добрый дедушка в лице изменился, он лежал и смотрел в потолок. Видно было: сильные боли не дают ему покоя. Когда я подошёл, он повернулся и, приложив свою горячую ладонь к моей покрасневшей от мороза щёчке, о чём-то спросил. Далее мама взялась за него: делала ему уколы, измеряла давление и всё время сидела возле деда.

Весёлый уютный дом сильно изменился. Бабушка всё время возле печки с едой возилась и рассказывала, как дед ночью не спал и мучился от боли. На стене большие белые часы без стекла тикали неустанно, мне казалось, они никогда раньше так часто и громко не тикали. В комнате деда было тепло. А за окнами стояла тёмная зимняя ночь, и ветер, словно раненый зверь, завывал и свистел сквозь щели веранды. На следующий день дедушку забрали на вертолёт в Махачкалу, говорили, что ему должны операцию сделать. И мама поехала с ним. В отцовском доме в с. Салда стало неуютно без мамы.

Долго не было мамы и деда. Когда уже наступил март, мне сказали, что в Чорода прилетел вертолёт и в нём были мой дед и мама. Радости не было конца, я побежал туда. Дом был полон людьми. Мама обняла меня, дедушка поздравил, посадил возле себя и погладил по голове. Мне показалось, что он

стал другим человеком. Был выбрит, одет в какой-то свитер, который я ранее не видел, и разговаривал серьёзно и без шуток. Рассказывал, как ему сделали в Махачкале операцию, а после отправили в Каякент на восстановление.

– Я хотел вернуться после операции, но доктор сказал, что надо в грязелечебницу. Очень хорошие люди были со мной, много людей пришло навестить, было даже неудобно перед ними. Пришёл с подарками первый секретарь райкома Джаватхан Алиханов вместе с главным «тохтиром». Большой человек, занятый, зачем ему нужен старик из Джурмута? Они меня даже в Россию хотели отправить, где хорошие, дорогие курорты. Я отказался. «С моим русским языком нельзя в Россию», – сказал я им. В Азербайджан или Гуржистан если отправите, там я на уровне больших хакимов знаю языки, а вот с русским у меня очень плохо, не слышал ведь этот язык, кроме как сейчас в больнице.

В Каякенте деда разместили с тремя аварцами его возраста. Назначали им процедуры, воду, лечебную грязь, так и жили тихой санаторной жизнью. Там дед нашёл одного льебелав из нашего района, говорил, очень набожный, порядочный был человек. Однажды вечером после ужина старики сели на лавочки в саду со своими разговорами. К ним подошёл молодой человек, поздоровался на аварском и начал расспрашивать.

– Ты откуда? – спросил он одного старика.

– Я льебелав (тляратинский), – ответил тот.

– Когда был младше и жил в горах, сколько тлебелалских (тляратинских) овец похищали мы! Возле ратлубского моста есть поворот. Когда чабан отару гонит, ему не видно, что там сзади происходит. Он скроется за поворотом, а мы хватаем барашка и под кусты к речке! Никто нас ни разу не поймал, – начал хвастать молодой человек.

Старики-аварцы в полном недоумении молчали.

Тляратинец же сильно разозлился на молодого и начал кричать, что нормальные мужчины чужих барашков не воруют. Дед спокойно наблюдал за их спором, а потом обратился к своему другу.

– Ты почему с ним ругаешься? Он своровал своего барашка, этот барашек не наш.

– Как не наш? Он же говорит, что наши барашки, – возмутился старик.

– Не наш... Это его барашек. Зачем тебе то, что он говорит? Я же знаю, это его барашек. Когда Всевышний Аллах даёт нам ризкьи, среди них бывают и наши овцы, предписанные нам, и не наши. Там есть одна часть для медведя, для волка, для лисы, для шакала, для ворон и прочей живности вплоть до червей, это их удел. Есть также барашки, предназначенные для мелкого воришки, у которого нет имана, чтоб не воровать, и нет мужества, чтобы вырастить себе мясо честным путём, и живёт он на таком трусливом воровстве. Поэтому он делает то, что может делать, на другое он не способен, и это его удел. Не надо спорить с ним, пожа-

лей его. Я в комнате деньги забыл, иначе я ему десять рублей дал бы сейчас. Вдобавок ко всему Аллах ещё умом обделил его, видишь, как он пришёл хвастать этим постыдным для нормального человека поступком. Иди, дорогой, ворувай дальше. Всё, что достанется тебе, оно тебе предопределено Аллахом. Оно твоё, – сказал дед, обратившись к молодому.

Старики начали смеяться, а молодой резко встал, пробубнил что-то под нос и поспешно ушёл. После этого случая зауважали старики деда, все услышали, как старик отчитал глупца, что хвастал своими подвигами.

Вот такие истории о людях, поездках и встречах рассказывал дед своим гостям. Помню, с каким интересом слушали его, как ловили каждое слово. А когда дед один оставался, то молился. У него были длинные с большими камешками чёрные четки, и он не выпускал их из рук, когда читал молитвы и зикру. Иногда подшучивал над бабушкой.

– Эту старуху обделил Аллах, – смеялся дед, – никаких языков не знает. За той речкой начинается мир, где нет ни одного человека, кто бы понял её и кого поняла бы она. А я могу и в Азербайджане, и в Гуржистане с их хункарами говорить!

Домашние смеялись, а бабушка злилась на него и кричала, когда, мол, ты повзрослеешь и будешь серьёзным?

Иногда дед начинал какую-то азербайджанскую песенку тихо для себя напевать: «Дагъустан, дагъ... дагъ.. ерди... Дагъустан... дагъ...», тут же переходил на грустную грузин-

скую песню. Его голос сплетался со стоном вьюги за окном, с потрескиванием дров в очаге, с теплом, волнами, расходящимися от раскалённой печи, с еле слышном журчанием ручейка перед домом.

Весной 1983 года дед снова заболел, были две мучительные бессонные ночи, вызвали из района вертолёт, но погода резко испортилась. Острая боль, терзавшая деда, к вечеру утихла, он лежал спокойный. Когда мама сказала, что погода проясняется, завтра полетим, дед махнул рукой и сказал:

– Поздно. Боль почти прошла, моя воспалённая кишка лопнула, никто и ничто не спасёт теперь... А потом спокойно и детально объяснил плачущим дочерям и жене, как его хоронить.

К утру 7 апреля деда не стало. Он похоронен в горах.

Когда приезжаю в Чорода и подхожу к дедушкиному давно заброшенному дому, мне слышатся те печальные мотивы его грузинских и азербайджанских песен. Будто дед лежит возле окна, ждёт нашего прихода и напевает: «Дагъ-устан... дагъ... дагъ ерди...». Но висячий замок на почерневшей от солнца и дождей двери отнимает надежды. И я, пытаясь скрыть наворачивающиеся слёзы, тороплюсь отдалиться от людей, чтоб не заметили посторонние, не поймут... Его не стало весной 1983 года, похоронен в горах.

Дядя Бисав и Белорусский вокзал

Отцы и дети. Вечная проблема всех времён и народов.

У меня был дядя, брат отца. Бисав звали его тоже. У нас в Джурмуте один он был Бисав, меня этим именем начали называть коллеги в аварской газете, укоротили мою фамилию. Расул Гамзатов и Адалло тоже так называли меня. Так удобно было нам всем.

Мой дядя Бисав всю жизнь чабановал. Когда возвращался на зимовку, садился за книги и целый месяц читал. В основном аварскую прозу, поэзию и школьные учебники истории на русском. Очень любил историю и аварскую поэзию. Он в школе, оказывается, был круглым отличником, «ударником», как их называли при Советах. Его отец, мой дедушка, умер в возрасте 37 лет от малярии и оставил четверых детей. Трех сыновей и дочь. Бисав был самым старшим и после смерти отца ему, «ударнику», пришлось бросить учёбу и со своим дядей Али пойти чабановать, чтобы прокормить семью. Благодаря этому младшие, мой отец и его брат Маламухама, окончили с отличием семилетку в горах и стали первыми из Джурмута, кто уехал учиться в город. Учились они в Изберге, в интернате для горцев. Затем был вуз, русское отделение филфака для отца и биологический факультет для дяди. Стали хорошими авторитетными педагогами в горах, отец всю жизнь работал директором школы, дядя преподавал биологию и географию.

А Бисав, поставив младших на ноги, чабановать не бросил и другой доли не искал. Когда возвращался с гор, у него дома собирались все сельчане. Пили кахетинское, бренчали

на пандуре, пели песни. Он был человеком острым на язык и с отменным чувством юмора. Его все в Джурмуте уважали, любили, в каждом селе у него были кунаки, а его собственный дом всегда был открыт для гостей. Он не умел копить, был щедр до расточительства, совсем не думал о завтрашнем дне. У него было семеро сыновей и одна дочь. Говорят, ещё столько же умерло. Один старик на годекане как-то сказал: «Интересно, Бисав, когда спать ложится, знает ли, все они пришли домой с улицы или нет?». Детей он любил, но никогда не баловал. Когда он весной с отарами возвращался, все сельские дети собирались вокруг него у речки. Дядя Бисав из хурджунов вытаскивал большую коробку конфет, рвал картон, высыпал их на траву и приглашал угощаться. Смотрел и смеялся: «Мне интересно, сколько они смогут съесть».

Дети ели конфеты, бегали к речке воду попить и обратно возвращались. Он был во всём максималистом. Если садился пить, собирал весь аул, и пьянка длилась несколько дней. Когда же пьянка ему надоедала, уходил надолго в горы. И его собственные дети, и мы с братом очень ждали его возвращения. Он приходил, и его голос заполнял дом.

– А ну-ка, что за къямуял (лохмотья)? – говорил дядя и хватал за волосы самого лохматого, самого обросшего из детишек.

– Иди, принеси машинку, – говорил он старшему сыну. Собирал всех своих семерых и ещё пару десятков сельских детей во дворе и начинал стричь. Закончив с очередной

круглой мальчишечьей головой, лёгким шлепком по бритому затылку выпроваживал сопливого клиента и подзывал следующего. После стрижки собирал своих сельских друзей в доме и обмывал с ними сие важное событие, пока не заканчивались все запасы. Однажды мой отец спросил у него:

– Вот ты мой старший брат, тебе советы давать я права не имею, да ты и сам вряд ли их примешь. Но у меня есть один вопрос. У тебя семеро сыновей, двое старших скоро пойдут в армию, ещё пятеро дома. Когда они повзрослеют, нам надо будет им свадьбы сыграть, устроить на работу, но ты никакие запасы не делаешь, как так?

– С моими детьми что я буду делать? – спросил дядя Бисав, неторопливо сворачивая самокрутку. – Есть одна задумка. Когда самому младшему исполнится 17 лет, я их всех возьму с собой и направлюсь на махачкалинский вокзал.

Бисав прикурил, сделал глубокую затяжку и, выдохнув сизый дым, продолжил: – Куплю восемь билетов и со своими сыновьями направлюсь в Москву...

– Зачем в Москву? – спросил отец, который никак не мог уловить ход его мыслей.

– В Москве самый большой железнодорожный вокзал страны, Белорусский вокзал называется. Слезу с поезда, вытащу из своего чемодана большую карту СССР, разверну её на перроне, покажу детям и скажу: «Вот, дети мои, перед вами вся наша необъятная страна, отсюда, с этого вокзала, поезда направляются во все уголки СССР. Купите себе семь

билетов по семи направлениям и ежайте до конечной точки. Найдите себе место под солнцем в том городе, куда доберётесь. Здоровый, полноценный человек, если не сможет себе найти место в такой большой и богатой стране, пусть там же и сдохнет, – сказал дядя Бисав и выкинул окурок в печку.

Незадолго до совершеннолетия младших сыновей дядя Бисав заболел и скоропостижно скончался. Остались его едкие фразы, его шутки и разные весёлые истории из жизни. Осталась и память о нём как о человеке чести, достойном и благородном человеке. К чему я это всё рассказываю? Сегодня сидел в приморском кафе с городскими друзьями. У одного из них зазвонил телефон, судя по всему, звонила жена. Он вышел, чтоб поговорить, и не вернулся за стол. Другой, что планировал с нами посидеть, передумал, сказал, что пойдёт прогуляться у моря и оттуда напрямик домой. У него недавно родился второй сын, и он себя считает многодетным отцом. Остался Махач Магомедов и я. Тут позволили и Махачу.

– Я в городе... температура??? Сколько? Ты ему лекарство давала? Иду, бегу... Щас... Через 20 минут буду...

– Что-то срочное? Что там случилось? – спрашиваю я.

– У сына температура, сейчас самый кризисный возраст, нельзя без внимания оставить, зубы прорезаются, ему скоро два года...

– Что прорезается???

– Зубы... у мальчика зубы... – говорит он мне, задыхаясь.

Вроде бы мужик, аварец, чародинец, как он себя там ещё называет... викинг...

– У всех зубы, у жены зубы, у сына прорезаются зубы, вот у тебя, у этого, который убежал из компании, и у третьего, многодетного, который пошёл подышать на море, нет этих зубов, зубов вам не хватает, это главная проблема наших дней. Иди, а то могут домой не пустить, жалкий человек, – сказал я и дальше молча наблюдал за дрожащим силуэтом, что метался в поисках такси, чуть не угодив под машину.

Я направился по ночному парку к себе домой. «Как всё меняется, куда мы идём, к чему мы придём?», – размышлял я по дороге. Это, наверное, городская культура, а я отсталый человек, пришлый, горец. Они все культурные, скорее, окультуренные жёнами, разница в том, что те сыновья, которых хотел отец выпустить на Белорусском вокзале, жизнь отдадут за отца, за Родину, за идею. А отдадут ли её наши дети, у которых «прорезаются» зубы? Это большой и сложный вопрос, на который у меня нет ответа. А у вас?

Гвеш къачарал (плохо одетые)

и гьенгеруял (хромающие) древнего Джурмута

В длинные зимние ночи в горах Джурмута люди от безделья и тоски придумали себе такое развлечение как гвеш къачарал (в дословном переводе – плохо одетые). В разных сёлах этот ритуал проходит по-разному. Если у нас они ходят зимой по домам, в селениях Камилух и Генеколоб, го-

ворят, развлекают публику во время свадьбы. Они в масках и в своей особой одежде приходят во время танца жениха и невесты. Там и зовут их иначе – гьенгеруял, то есть «хро-мающие».

– Не думаю, что есть там какой-то глубинный смысл, скорее, от скуки это всё... – говорю я отцу, надеясь вытянуть из него очередную историю.

– Просто так ничего не происходит. Если в том или ином ритуале не было бы смысла, он из поколения в поколение не передавался бы. Значит, есть там какой-то скрытый смысл, который нам непонятен. Это для этнографов и историков. Они были и у нас, в наших сёлах тоже выходили гвеш къачарал на танец жениха с невестой. Позже бросили эту традицию, а в Камилухе сохранилась, – говорит отец и тут же продолжает: – Ты был на свадьбе в Камилухе или в Генеколобе?

– В Камилухе был один раз. Видел, «гардан чI вай» (отрубание шеи) называется ритуал.

Эта картина меня унесла на несколько веков в древность. Гремел барабан, выла зурна, со стороны жениха вышел здоровяк с тушей огромного барана на плечах и под ритуальную музыку преподнёс этот дар представителям невесты. Самый ловкий и умелый джигит со стороны невесты должен был одним ударом кинжала перерубить позвоночник так, чтобы голова от туши отделилась.

Проходит это всё под музыку, долгий и довольно-таки

нервный для обеих сторон ритуал – игра, пока ударит юноша кинжалом, идёт борьба нервов. Малейшая оплошность, и шея туши может быть отрублена или, наоборот, не до конца отрубят. Хотя никто из камилухцев мне не смог объяснить, почему плохо становится в случае неудачи от этого на вид забавного и безобидного ритуала.

Задача бьющего – поймать момент и одним махом отрубить, задача держащего – не дать отрубить, во время удара резко опустить или перенести в сторону тушу и ослабить удар. Если отрубят, то это очень болезненно воспринимает сторона жениха, это бросает тень на его тухум. А сторона, которая отрубит шею барана, как выигравшая, имеет почёт. Им должны оказывать уважение, выполнять все их капризы во время свадьбы.

На свадьбе, где я присутствовал, невеста была из Тляраты, они впервые видели такой адат, и представитель невесты не имел опыта, чтоб отрубить одним махом.

Камилухцы выиграли, и все выскочили с тушей по кругу танцевать. Это была такая завораживающая картина. Лунная ночь, большие почерневшие от дыма вековые кастрюли, куда целиком бросают целого барана, под ними костры, варёное мясо, на которое умелый цживур (шеф-повар) насыпает соли и преподносит к столам.

Недалеко от костра зурна, барабан, рослые, высокие джигиты и стройные девочки танцевали свой древний танец, который нигде в мире не увидите, кроме как в древнем Джур-

муте. Я шёл со свадьбы по узким улицам древнего аула. Яркая лунная ночь, почти как солнце, освещала часть узких улиц, другая сторона, куда не попадал лунный свет, была во мраке. Камилух находится на месте слияния двух рек. Шум реки, музыка плачущей зурны под такт бьющего барабана образовали своего рода оркестр природы и жизни. Всё было красиво и гармонично.

Я всё думал и думал над ритуалом «гардан ч'вай» (отрубание шеи). Что же это может быть? Кто это всё придумал и для чего? Почему проигравшая сторона так болезненно это воспринимает? Много вопросов осталось.

– Довольно-таки рискованное дело это. Особенно когда народ выпивший. Беспорядочная толкотня, в середине человек с кинжалом. Были случаи, когда кинжал попадал в ногу или руку того, кто держит тушу, – говорит отец.

– Что же это может быть, смысл какой? – спрашиваю я, чтобы получить хоть какое-то объяснение.

– Предположим, если сторона жениха преподносит козла или здорового барана, шею которого одним махом не отрубят, это демонстрирует материальный достаток, богатство рода, куда идёт невеста. Если сторона невесты отрубила шею барана, это тоже своего рода демонстрация силы, доблести и достоинства её рода.

– Скажем, мы тоже непростые, уважьте нашу девочку. Я примерно так понимаю, может быть, и другой смысл, – говорит отец.

«Всё может быть, – думаю я, – может и не быть этого, не исключено, что там заложен совершенно иной смысл».

Вернёмся к нашим гвеш къачарал (плохо одетые) и гьенгеруял (кривоходящие).

Скажем, что это чисто развлечение. Смысл-то хоть какой должен быть? В нижней части Джурмута гвеш къачарал приходят зимой в гости без спросу. Обычно их бывает одна пара – мужчина и женщина, их сопровождает группа молодых людей. Гвеш къачарал заходят в дом и начинают развлекать собравшихся и хозяев дома.

Они танцуют, делают жестами разного рода смешные вещи, жена гвеш къачарал начинает бить мужа своего. Это тоже для горцев смешно, хотя в наше цивилизованное время такое вполне может быть, и сегодня такой ритуал уже не покажется смешным. Они не разговаривают, всё жестами, иначе голос выдаст, кто за маской. Хозяин дома, чтобы избавиться от непрошенных гостей, даёт сушёное мясо, бутылку водки или ещё что-нибудь. После подарка они делают заключительный танец и уходят.

На следующее утро на годекане, дома, везде обсуждают ночные приключения гвеш къачарал, и встаёт главный и любопытный для всех вопрос: кто играл под маской в ту ночь? Наиболее успешным считается тот актёр, которого никто не разгадал.

У камилухцев гьенгеруял (кривоходящие в масках) появляются на свадьбе во время выхода жениха и невесты. Если

кто-нибудь бросит на невесту купюру малой стоимости, например, 50 рублей, они высмеивают его жадность.

Держит одну сторону купюры на земле один гьенгеру, другую сторону оторвать от земли пытается другой. Он не может, знаками просит джамаат прийти на помощь, обращается к тому, кто бросил, чтобы пришёл на помощь поднять такую тяжёлую и большую купюру. Тут ритуал уже приобретает определённый смысл. Высмеивают жадность.

Это всё вообще не изучено. Вместе с тем древние аулы Нагорного Дагестана опустошаются, идёт массовое переселение на равнину, в города. Всё ассимилируется, выросло целое поколение горцев, которое не то что не видело эти истории, ритуалы и образ жизни, но и не слышало об этом, ибо предки его тоже не слышали. Растёт второе поколение городских горцев.

Мы с отцом на берегу Каспия в Махачкале скучаем по горам, по аулу и периодически возвращаемся туда разговорами. Воспоминания, ностальгия, рассказы о жизни и быте в горах, отец вспоминает всю свою жизнь, которую прожил там, я о детство своё. Периодически в наш разговор влезает мой 12-летний сын и задаёт вопросы, которые сложно ему объяснить. Не объясняю, сложно словами, да и не хочется...

Приключения горских мальчиков в Цоре

Было лето 1984 года. Меня, ученика четвёртого класса, отец повёз в районный центр Тлярата. Такой своего рода по-

дарок от отца аульскому мальчику за успехи в учёбе. В таких суровых нравах нас воспитывали, не то что «нынешнее племя». Мы шагали по базарчику, навстречу шли люди и здоровались с отцом. Видно, тут отца хорошо знали, уважали и любили.

Подошёл к нам человек солидных лет, поздоровался и с большим вниманием стал слушать беседу отца с одним из его знакомых. Отец прервал разговор, меня слегка потянул за волосы и сказал этому мужчине:

– Асадула, ты видишь вот этого лохматого волчонка? Постриги его и верни к цивилизации, а то он совсем оброс.

Тот посмотрел на меня с лёгким прищуром и с улыбкой:

– Тоже мне волк, видал я много таких волков, следуй за мной, – и направился к будке над речкой. Подстриг, продул колючие волосинки из-под рубахи, шлёпнул слегка по затылку и отпустил. Когда я начал вытаскивать помятые рубли из кармана, взял их из моих рук и вложил обратно в карман, добавив:

– Иди!!! Ты же волчонок, а волки не платят.

Я в недоумении вышел, даже забыв поблагодарить, и направился на поиски отца.

На следующее лето отец со своим другом готовились поехать в Белооканы на лошадях. За пару дней до этого они купили отару барашек, чтобы продать в Белооканах и Лагодехи. Гнать овец через большой Кавказский хребет – дело нелёгкое, и они решили на помощь взять меня и ещё одного де-

сятилетнего молодца по имени Ибрагим. Отец оставил коня на перевале и поехал на машине в Цор, а своего друга и нас отправил пешком через перевал вместе с отарой. С Большого хребта вниз был крутой спуск, извилистые тонкие тропинки ведут в густые леса Джаро-Белоканов.

Весь день мы шли по лесу. Кругом полумрак из-за густого ряда деревьев. Щebet лесных птиц, размеренный топот впереди идущего коня и мелкий топоток отары сливались в единый слаженный оркестр. Когда спустились на равнину, уже стемнело. Во рту у меня пересохло, живот подводило от голода, ноги ныли, умоляя об отдыхе, а конца дороге всё не было, шли и шли мы за стадом. В ночной мгле был еле различим силуэт идущего впереди дяди Магомы, за ним тонкой белой ниточкой тянулась отара овец.

В какой-то момент раздался душераздирающий то ли крик, то ли вой, то ли стон, и мы встали как вкопанные. От страха я буквально прирос к земле, перед глазами всплыли ужасные картины из страшилок детства. В горах много рассказывали о встречах людей с кавтаром в лесах Цора, и истории эти редко заканчивались хорошо.

Ибрагим молчал, я несколько раз потёр уши, не послышалось ли мне. По его виду чувствовал, что не послышалось, и мы оба боялись спросить, что же это было. Мы пошли дальше. Через час с небольшим замелькали огоньки. Навстречу вышел молодой человек из Белокан и повёл нас к кунакам. В Белоканах была совсем иная жизнь, ничуть

не похожая на аульскую. Маленький провинциальный городок у подножья горы, утопающий в зелени. Мягкий субтропический климат и много солнца. Много фруктов и овощей, растущих в каждом огороде, маленькие изумрудные и, главное, безопасные речушки, спустившиеся со снежных вершин, что белоканцы называют на свой лад булахом. Опыняющий аромат цветущих роз, виноградные лозы и уютные навесы, а под ними – топчаны, чайные самовары, мангалы для шашлыка, тандыры для хлеба почти в каждом дворе, и приветливые гостеприимные кунаки. После трапезы мы, как подкошенные, свалились в постель и заснули мертвецким сном...

Крики, хохот и шум во дворе разбудили меня утром.

– Ле, Назирав!!! Люди!!! Есть тут кто??? – кричал дядя Магома, или Сер Мухама, как называли его в Джурмуте.

– У вас, падарал, кушать не бывает что ли? Налейте сто грамм, разожгите костёр, подайте кушать, что вы за народ, чёрт побери...

Борода придавала Магоме сходство с Емельяном Пугачёвым, а вот пышные усы и густая шевелюра отсылали к фотографиям молодого Иосифа Джугашвили после ссылки. У него всегда бывали дорогие красивые кони-иноходцы. Он пил чачу и не пьянел, сколько бы ни пил. Иногда во время дружеского застолья брал пандур и, сопровождая себя, пел старинные песни. Пел и шуточные, когда компания пьянела.

Особо популярна была в те годы русско-аварская песня

Магомед Сулиманова.

*«Водку пить, конечно, каждому можно,
Но не каждому гьёб полезно бугеб.
Коньяк ли, если есть, ерунда гуо,
Но пугает он нас цена борхиялъ.
Жить кI иго нухалда рижуларелъул
От души чункизе копой дуниял...»*

– пел выпивший Сер Мухама.

Такой своенравный и одновременно обаятельный мужик, младше моего отца лет на десять.

Отец мой среднего телосложения сухощавый интеллигент, филолог, директор школы в горах. Он был педагогом и охотником, хозяйственником и поэтом местного масштаба, который сочинял на ходу сатирические весёлые стихи. Землю пахал, сено косил, одним словом, занимался тем же, чем и простые горцы. Дети всегда ждали его урока литературы, он был лучшим рассказчиком на моей памяти, и по сей день остался таким, хвала Всевышнему. Отцу сегодня 82-й год пошёл.

Мы остановились в доме отцовского кунака, инженера-строителя из Белокан Гараева Низирова. Добрейшей души спокойный, интеллигентный, обаятельный человек. Он же был другом и кунаком поэта Омаргаджи Шахтаманова. Шахтаманов часто бывал у него в гостях. С моей семьёй у Гараевых куначеские отношения имели историю в несколько поколений. Брат Низирова, Гараев Далгат, работал про-

курором в Закаталах. В общем, Гараевы в Белоканах – знатный и уважаемый род.

Когда я вышел на крыльцо и взглянул во двор, хозяйка дома Мадина накрывала стол. По профессии учитель физики, очень привлекательная, приветливая и красивая женщина в расцвете лет, с постоянной улыбкой на лице. Было ясное солнечное утро. Сыновья Низирова Измир и Али встали, повели нас умыться, и сразу к столу. Они учились в русской школе и лучше нас говорили на русском. А наш русский был очень ограниченным. В горах тогда ещё не работал телевизор, в школе говорили на аварском, не было русскоязычной среды и крайне тяжело было перейти языковой барьер.

Настоящую русскую речь я слышал лишь один раз, когда отец разговаривал с какой-то экспедицией геологов. С большим любопытством улавливал отдельные слова из разговора. Ибрагим с растерянностью и надеждой смотрел на меня как на знающего язык, а я... Как там было у Онегина? «С учёным видом знатока хранил молчанье в важном споре...», хотя ни черта не понимал, о чём речь идёт за столом.

У Низирова была и дочка шестнадцати лет, красавица Самира. Кудри до плеч, выразительные черты лица и тонкий стан. Ходила в шляпе, что ей чрезвычайно шло, выглядело милым кокетством и сразу давало понять, что эту девочку в семье очень любят и балуют. Мы завтракали, а она музицировала, и звуки фортепиано долетали до нас из открытого окна. Одним словом, это был совершенно новый для меня,

удивительный мир. Ничем не напоминавший тот, что я знал, в котором вырос, – суровый и аскетичный мир за перевалом.

Теперь вернёмся к нашим баранам, в прямом и переносном смысле. Приехал молодой человек, что встречал нас у подножья горы. Всю нашу отару загрузили на КамАЗы и отвезли в Закаталы на бойню. И мы с Ибрагимом поехали туда, чтобы пасти барашков, пока одну партию зарежут и сдадут. Два дня провели в Закаталах и вернулись в Белоканы на такси. Отец вместе с Магомой каждому кунаку в Белоканах во двор выгрузили по барашку. Это был очень хитроумный и дальновидный ход. Зная гостеприимство белоканцев и их успехи в кулинарии, они решили дней на десять обеспечить себе столы под виноградными навесами.

Кахетинское вино и отменного качества чача лились рекой. Изысканная азербайджанская кухня, грузино-аварские тосты, песни и пляски под пандур. Иногда всей компанией направлялись в знаменитый в то время ресторан Али Анцухского в живописном месте в лесу «Беш булах» (Пять родников). Мы с Ибрагимом ходили по паркам, аттракционам и фруктовым садам Белоканов и Закаталы, осваивали новые территории неведомого края. Освоили русский на уровне заезжего туриста-англичанина, что никого не смущало.

Всему на свете наступает конец, наступил конец и нашему отдыху. В один день дядя Магома позвонил меня к себе и сказал:

– Магомед, ты Белоканы знаешь нормально?

– Конечно, дядя Магома, даже Закаталы знаю.

– Закаталы оставь, сходи вместе с Ибрагимом в парикмахерскую, пусть постригут его. А то он совсем лохматый.

Я, очень довольный таким ответственным поручением старшего, направился с Ибрагимом в парикмахерскую. Мы открыли дверь и сразу наткнулись на чей-то свирепый взгляд. В зеркале было отражение мужчины, сидевшего к нам спиной, его жирное лицо было выбрито лишь с одной стороны. Видимо, парикмахер отлучился, и недобритый клиент уже начал нервничать. Остальные два места были заняты. Мы уселись и принялись ждать. К недобритому подошёл смуглый парикмахер почти вдвое шире него. Ибрагим испуганно смотрел по сторонам, казалось, он хочет сказать: «Лучше бы побрили меня в горах, не хочу подставить этим непонятным людям свою голову». Когда место освободилось, толстяк-мастер повернулся к нам и спросил что-то на азербайджанском. Наступило время блеснуть знанием моего русского, и я с видом профессора бросил:

– По-русски понимаю...

– Русски??? Русски знаес, да-а... Прицоска надо, да-а?

– Ну да, конечно, он хочет, – сказал я важно и подтолкнул Ибрагима к парикмахеру. Тощий маленький Ибрагим сел в большое кресло, парикмахер накинул кусок белого материала на его плечи и начал стричь. Ибрагим через зеркало пристально смотрел на меня. Видно, его что-то беспокоило. Я подошёл, и он, не поворачивая головы, над которой

трудился мастер, скосил глаза и спросил по-аварски, сколько будет стоить его причёска. Тут же я вспомнил Асадулу из Тляраты, который не взял у меня ни копейки. И, как человек умный, повидавший мир, я объяснил другу на аварском, что не надо ни одной копейки, у них, мол, зарплата. А напоследок предупредил, чтобы больше такие глупые вопросы не задавал.

Постриг парикмахер Ибрагима и направился руки мыть. Мы встали и направились домой. Через пару минут слышим, кто-то кричит и бежит за нами через дорогу. Смотрим, этот парикмахер, разъярённый, машет руками и что-то громко на азербайджанском говорит. Поняли, что требует деньги. Ибрагим с виноватым видом вытащил из кармана помятые рубли, протянул.

– Ики манат гятыр бура, огъраш!!! – прокричал парикмахер напоследок, сунул в карман рубли и вернулся к себе. Я успокоил Ибрагима, и мы потопали к кунаку. По дороге я Ибрагиму объяснял, сколько бы фруктов и красивых мест тут ни было, не очень хорошие люди, оказывается, эти падарал (азербайджанцы).

– У нас в Тлярате дядя Асадула ничего не взял за стрижку, а этот, видел, как кричал на нас? – возмущался я с высоты своего опыта и знаний о мире.

Попрощались с солнечным Цором и гостеприимными кунаками и отправились в горы. Внизу остались черепичные жёлтые крыши Белоканов и Лагодехи, вековые леса и бле-

стоящая под солнцем, прославленная в аварском фольклоре Алазани с её змеиными изгибами.

Я всё ещё помнил о том вечернем крике в лесу, что нас страшно напугал. Однако в гостях спрашивать было неудобно, но теперь вокруг были только свои, так что я рискнул. Дядя Магома усмехнулся и сказал, что это был крик ночной совы. Дорога предстояла долгая, а у меня накопилась масса вопросов, и при малейшей возможности я спешил их задать.

– Почему в Азербайджане за стрижку парикмахеры деньги берут? – спросил я отца. Тот в полном недоумении спросил:

– А что они должны были брать?

– Зарплата же у них есть. Вот дядя Асадула в Тлярате не берёт, а тут у Ибрагима взяли.

Дядя Магома и отец посмотрели на меня, потом друг на друга и расхохотались.

Цорские девушки,

или Как любовь разорвала барабан

Когда молодые и красивые девушки из Цора приезжали на свадьбы в Джурмут, джурмутские молодцы танцевали с особым задором, их трюки становились сложнее и опаснее, а движения рук и ног – резче и точнее. Я это всё помню – маленький был, но помню. Помню, как сверкали их глаза, как блестели зубы – каждого из них переполняли чувства и энер-

гия. И это всё было из-за красавиц Цора.

Трезвые пьянели, пьяные дурели, а дурные становились и вовсе невменяемыми и совершали безумные поступки. Никто из них никогда бы не сознался в этом, но я точно знаю, что именно так всё и было.

В Цоре жизнь была полегче. И рядом с нашими девушками, измученными трудом, почерневшими под палящим солнцем, девушки из Цора выглядели беленькими и красивыми.

Как-то спросили у одного горца, влюблённого в цорскую красавицу: «Правда ли, что ты волочился за девушкой из Белоканы и хотел жениться на ней?». Горец ответил достаточно остроумно: «Она была хороша, ну как мне на ней жениться-то? Жизнь в горах скудна и тяжела, физическую работу она не осилит, а профессии нет, как говорят, не грузовая, не легковая».

Но любовные сумасбродства джигитов на свадьбах бывали всегда. Я помню эти ясные лунные ночи джурмутских свадеб и танцы вокруг костров. Слышу и поныне шум горных рек, звуки душераздирающей зурны и барабанной дробы, которыми соседи из ближних и дальних аулов созывали нас на праздник.

В центре каждого села находилась открытая площадка (гьоцҮ) – для молотбы ячменя и для свадеб. Иного предназначения у этого места не было. За площадкой – плоские крыши саклей, откуда стар и млад с любопытством наблю-

дали за танцующей молодёжью. Как бы юноши и девушки ни старались скрывать свои чувства и предпочтения, внимательный зритель улавливал взаимную тягу молодых друг к другу.

Я тут не зря вспоминал о цорских красавицах. Перед ними образовывался особый круг желающих потанцевать. Девушки из Цора, почувствовав своё превосходство над местными подругами, кокетничали напропалую. В их манерах, движениях в танце, в одежде было что-то волнующее, отличающее их от наших девушек. Порой местные девушки пытались им подражать, но улавливали только детали, а основное ускользало.

И джигиты наши продолжали увиваться вокруг приезжих. В жёлтых нейлоновых рубашках, в ярко-синих кримпленовых пиджаках, в кепках-аэродромах на голове, со «стекающими по краям уголков рта усами». Такова была мода советского периода, мода времён моего детства.

Пели песни, рвали струны пандура, разбивали посуду, демонстрируя крутой нрав и удаль. А один влюблённый чудак в порыве страсти, надеясь заслужить одобрителный взгляд цорской красавицы, прячущейся за спинами подруг, изо всех сил ударил ногой по барабану. Лопнув, тот вылетел из рук барабанщика и покотился вниз по узкой улице, подскакивая на кочках и ударяясь о стены. Только глухое эхо доносилось до свадебного костра, будто негодование барабана, сделавшегося инвалидом, изгнанного из такого весёлого общества

и ни на что теперь не пригодного.

Пока растерянный барабанщик чесал затылок, другой претендент на внимание красавицы из Цора с ходу ударил зурнача, потом двоих, пытающихся его удержать, и бросился на конкурента – того, который бесстрашно ударил по барабану.

И тут, как говорят в городе, пошла «селуха на селуху». Долго пьяный люд объяснял друг другу, кто прав и кто виноват. Шумели, толкались, боролись, дрались, разнимали, все разговаривали и никто друг друга не слушал.

И всё это происходило из-за нарядных беленьких девушек, которые поднимались на свадьбу из Цора. Мужики с ними танцевали, из-за них дрались, им песни пели, влюблялись, теряли на время разум... Девушки же, будто ничего и не произошло, вдоволь натанцевавшись и навеселившись на свадьбах, бросали горы и торопились назад в Цор – пока снег не закрыл перевалы. А влюблённые юноши, отрезанные снегами от Цора и от предмета своей любви на целые 6–7 месяцев, оставались в горах.

И в осенние солнечные дни с веранд аульских домов доносились печальные мелодии; подыгрывая себе на мандолине, пандуре и других инструментах, пели юноши о потерянной любви, о длинной зиме, закрытом перевале и возлюбленной, которая осталась за заснеженными хребтами.

Помню одну такую песню молодого человека, влюблённого в красавицу за хребтом. Слова народные (джурмутские):

*Я дунги цѹмани, цѹобилав Аллагъ,
Цѹороб сѹхбатІа свери бахъизе.
Цѹудулги тІинчІани, я Расулуллагъ,
Белоканий росулъ гьудул йихъизе...*

В подстрочном переводе звучит примерно так:

*Родиться бы мне орлом, о Всевышний,
Чтоб полететь над Белоканом,
Быть бы хоть птенцом орла, о Посланник,
Чтобы увидеть любимую
на цѹорском сѹхбате (вечеринке).*

На смену летней безбашенности приходила зимняя трезвость; но, не выдержав уныния, душа опять начинала тосковать по веселью и солнечным дням. Все ждали наступления весны...

Так было раньше. Ныне же и в горах, и в Цоре, к большому сожалению, весна – долгожданная встреча с возлюбленными – в сердцах молодых людей не наступает, их уже не радует оттаявший перевал. Граница на замке. Нас навсегда разделили пограничники. Осталась лишь память... память и брошенные пустые аулы, заросшие крапивой; места, где раньше бурлила жизнь, влюблялись молодые, молились пожилые, пели песни, читали молитвы, встречались и снова провожали друг друга люди...

Для чего кинжал?

Был знойный август 1986 года. Я, шестиклассник, с утра

пошёл купаться к речке и вернулся домой только после обеда. Двери дома оказались заперты – все на сенокосе. Нашарил ключи (мама прятала их в специальных потайных местах) и уже собирался войти, как услышал сзади цокот копыт. У порога стояли двое мужчин средних лет с лошадьми вороного цвета на поводу.

– Дом Исмаила? – спросил коренастый с бегающими глазами.

– Да...

– Ты, должно быть, его сын. Позови отца.

Не успел я ответить гостям, как во двор вошёл отец. Поздоровался с гостями, узнал, из каких они краёв, завёл в дом. Мне поручили заняться лошадьми. У отца была небольшая кунацкая с отдельным выходом во двор, гости там расположились. Судя по разговору, отец ранее не был с ними знаком. Может быть, кто-нибудь сказал: «В Салда остановитесь у Исмаила», – вот и пришли. Так принято в горах: когда люди пускаются в далёкий путь, то останавливаются у кунаков.

Отец быстро организовал скромный стол для гостей, положил хлеб, сыр, сушёное мясо и что-то ещё. Чтобы компенсировать скудную трапезу, графин кахетинского тоже поставил. Гости перекусили, по рюмочке пропустили, и пошёл разговор об общих знакомых, какой обычно бывает у мало-знакомых людей. Я, сидя в соседней комнате, подслушивал их через приоткрытую дверь. Была у меня такая слабость в детстве, хотя за неё мне часто попадало.

Один из кунаков поднял бокал и долго говорил, какой замечательный человек мой отец и как его везде уважают. Голос этого человека был хриплый, говорил он очень тихо, из-за чего трудно было разобрать его речь, только отдельные фразы. Другой кунак, сухощавый и высокий, был шумный, весёлый и открытый человек, скажет отец что-нибудь – и дом дрожит от громкого заразительного смеха гостя. Гости дали понять отцу, что ночевать не остаются, хотят, пока не стемнело, пройти перевал и спуститься в Белоканы.

Видно было, что отец чувствует себя неловко перед гостями, мамы дома не было и пришлось довольствоваться сухомыткой. Чтобы положения выправить, отец начал рассказывать им:

– Как-то к одному горцу в гости пришли путники, он, как и положено по закону гор, посадил кунаков у очага и решил угостить. Положил перед ними две панкъя (тонкую лепёшку), воду и насыпал щепотку соли. Больше у него и не было ничего в то время. Когда гости приступили к трапезе, горец вдруг положил среди двух лепёшек большой кинжал. Путники были в недоумении и в раздумьях – тут резать нечего, ни мяса, ни сыра нет. Зачем же кинжал?

Поели, поблагодарили Аллаха и горца, который их угостил, и собрались уходить. Перед прощанием один из путников спросил:

– Скажи, добрый человек, не поняли мы, для чего ты к лепёшкам кинжал положил? Что это означает?

– Вах! – сказал горец. – Если я знал бы, что вы настолько недалёкие люди, я бы вам и панкъ с солью не дал бы. Неужели не поняли?

– Нет, – ответили путники.

– Это древний обычай, кинжал с едой должен быть в таких случаях. Чтобы вы могли меня ударить, если я пожалею для кунаков то, что имею. А если вы возгордитесь и не примете того, что я даю, я вас должен был ударить. Для нашего стола тоже, как и у того горца, не хватает кинжала, – сказал отец. Шумный гость долго смеялся, а толстый долго что-то отцу говорил.

Перед закатом они сели на лошадей и направились в Цор, а я, голодный с утра, набросился на еду и съел то, что осталось от гостей. Когда мать вернулась с сенокоса, почти стемнело, ей предстояло ещё готовить ужин мужчинам...

Как меня увольняли с работы

Было лето 1989 года. Мне исполнилось 16. Это трудный возраст – ты себя считаешь взрослым, а окружающие не в курсе. По этой причине очень часто случались дома недоразумения. Когда я выходил из-под контроля матери и старших братьев по домашним хозяйственным делам возникали скандалы. После очередного вмешался «верховный главнокомандующий» – отец, что бывало крайне редко по правилам нашего дома. Он жёстко объявил, что я «уволнен с работы». Потом повернулся к маме и братьям и сказал,

чтобы никакой работы по дому мне не поручали.

Слово отца для дома – закон, обсуждению и пересмотру не подлежит. И вот все идут на работу, кто на сенокос, кто по дрова, кто по другим делам, один я сижу дома. Вечером все возвращаются, умываются и садятся за стол. Отец первым делом спрашивает у мамы: «Сына накормила? Накорми его, за нас не беспокойся, вот его накорми сперва». Еду мне приносили в отдельную комнату, где я целый день, изнывая от безделья, валялся на диване и читал газеты, журналы, книги. Никто со мной не разговаривал, маму отец строго предупредил, чтоб кроме как о еде никаких других бесед со мной не вела.

Прошла неделя. Весь аул – стар и млад – на сенокосе и другой работе: кто на лугу, кто в лесу. Работает мой отец и домашние тоже, один я дома. Топор, косу и прочие инструменты отец закрыл на замок в сарае, чтобы я самовольно работать не пошёл. Мне ужасно стыдно перед односельчанами, такое ощущение, будто меня весь аул осуждает. И не расскажешь же про «увольнение», многие и не поймут, что это такое и каково моё положение. Ведь у каждого дома свои порядки.

Я мучился почти двадцать дней. И как-то утром попытался поговорить с матерью. Чуть ли не в слезах просил, чтобы пустили меня работать. Дверь комнаты была приоткрыта, а в соседней спиной к нам на диване лежал отец, книгу читал. Но разговор наш слышал. Через несколько минут он

позвал мать, а вернувшись, она передала мне отцовское распоряжение:

– Иди работать, но он говорит, если ещё раз откажешься делать, что тебе поручили, тебя уволят навсегда...

Каким счастливым я был, когда на следующий день вернулся домой уставший, запыханный, с ноющей от работы спиной и, умывшись, сел ужинать за общий стол с родителями и братьями.

Из отцовских рассказов

Снегопад в Джурмуте

Приехала старшая сестра с гор. Отец по привычке спрашивает о погоде. Для нас это непривычно – сейчас любую информацию можно получить через Интернет за секунды. Все в курсе всего. Отец же со своими газетами, книгами и разговорами с живыми людьми застрял в прошлом веке.

– В горах тепло, как никогда тепло, скот пасётся ещё на пастбищах, не закрыли. Ясные солнечные дни и лунные ночи. Изредка дождь, снег только на вершинах гор, – рассказывает сестра.

– Дождь в декабре – это нехорошо... Это может ударить снегами среди лета. Не зря предки говорили «хорошо, когда зима похожа на зиму», – сказал отец и замолчал. Я не понял, почему тепло в декабре грозит холодом летом.

– Какая тут связь, может, и летом будет тепло? – спрашиваю.

– Было однажды такое... Почти сто лет назад. Одна за дру-

гой шли тёплые зимы, и не было снега. Потом резко сменилась погода. Снег выпал такой, о каком не слышали даже седые старики, – говорит отец.

Снег выпал в начале сентября. Выпал, когда ещё природа цвела. Стада были на пастбищах, отары овец и табуны лошадей – в горах. Пошли сперва холодные проливные дожди, они не прекращались долго, температура упала ниже нуля. На два месяца раньше, чем обычно, пошёл снег. Он не прекращался несколько суток ни на минуту. Это застало Антратль врасплох. Люди были в растерянности, кругом белый океан, в котором невозможно разобрать, где небо, где земля. Грохот снежных лавин поглощал рёв скота, блеяние овец, ржание лошадей, мольбы и крики людей. Снег падал и падал, не было конца и края; изредка из аула в аул, с гор в низины спускались люди, встречались и ночами обсуждали, как спастись от неожиданной беды.

Отары овец и лошади должны были на зиму спускаться в Цор, в Алазанскую долину, но снег перекрыл Большой Кавказский хребет и отрезал всех от мира. Через несколько дней собрались представители пяти обществ верхнего Антратля и решили, что нужно открыть дорогу через Большой Кавказский Хребет в Цор, иначе все помрут в горах. Люди вышли против стихии с одними лопатами для расчистки снега. По узкой, расчищенной ими тропке медленными шажками шли овцы, люди и лошади – тянулись, словно ниточка за иголкой. Некоторые лошади срывались с кручи и летели

в бездну, остальные прокладывали дальше дорогу. Из всех отар Антрагля даже половина не спустилась в Цор – всё, что пало в пути, досталось голодным волкам и медведям Цора и Джурмута. Это мне рассказывал покойный дядя Али (Губур Али из Салда звали его в Джурмуте – человек авторитетный, зажиточный), ему лет 30 тогда было, – сказал отец и взял паузу. Перед моими глазами мелькали знакомые с детства места. Сложно было представить, как по тем узким тропинкам, где с одной стороны отвесные скалы, с другой – пропасть, где страшно идти даже летом, могли пройти люди при большом снеге. Один неверный шаг – полетишь в бездну.

– И что дальше, откуда, по какой дороге они направились в Цор? – спрашиваю я, возвращая отца к теме.

– Они пошли по самому сложному перевалу через Машкал Ор – он хотя и высокий, но самый короткий. Расчёт был верным, но и оттуда не смогли они перейти без больших убытков. Дядя Али рассказывал, что, когда они спускались из Верхнего Хутора в Машкал Ор, отары овец встали как вкопанные. Буря не давала открыть глаза, слышен был непрекращающийся гул лавин, и те, что шли сзади, не могли понять, что случилось. Была тяжелейшая, безысходная ситуация – опасно и вперёд идти, и вернуться невозможно. А если на месте остаться, был риск замёрзнуть. Вот так мучились несколько часов, потом очень медленно отара продолжила путь. Чтобы перейти перевал с такой скоростью, нужны как минимум ещё день и ночь, а они не прошли ещё и полпути.

Когда спускались к речке, поняли, наконец, почему так долго стояли в одном месте. По краям узкой тропинки громоздились туши мёртвых овец. Спускались сумерки, люди и животные шли из последних сил, стараясь до наступления темноты успеть к месту, где расщелина образовала естественное укрытие в скале. Там можно было спрятаться от бури и переждать ночь. Дядя Али сделал пару шагов вниз по склону, чтобы вытолкнуть на тропинку отбившегося барана, и наткнулся на сидящего человека. Глаза его были полуоткрыты, он был мёртв. Видимо, устал, сел в снег, так и замёрз. Дядя Али крикнул идущим впереди, чтоб остановились, тут, мол, человек умер.

– Ты следуй за нами, мы завтра вернёмся к нему, иначе все вместе с отарами замёрзнем тут, – ответил ему человек из общества Тлянада. Он был прав: чем поможешь мёртвому, когда живые с трудом передвигаются?

В ту ночь все представители верхнего участка общества Антратль – Анцросо, Богнода, Тлебел, Тлянада, Джурмут – собрались под скалой, чтобы переждать ночь и бурю. Считать овец и разбираться, где чьи – не было ни сил, ни смысла. Решили, что вместе пойдут в Цор, а там уже каждый по метке честно отберёт своих овец, если же не найдёт – на то воля Всевышнего. Утром часть людей и овцы направились в Цор, другие вернулись к покойнику, чтобы его забрать и похоронить. Кто-то признал его, оказалось, это чабан из общества Тлянада.

На следующий день перевал был пройден. Голодные, обессиленные овцы спускались, падая от слабости на колени, словно высыпаемый из мешка рис, медленно ползли по склону.

Как люди отбирали своих овец, как поделились, мне неизвестно, – говорит отец, – но известно, что люди тогда были набожные и честные, редко кто претендовал на чужое.

– Наверное, каждого обязали дать клятву на Коране, что не взял чужих животных, – выдвигаю я свою версию, – иначе все передрались бы. Только Коран и клятва могли вопрос решить.

– Я не знаю, об этом дядя Али не рассказывал; о конфликтах на этой почве тоже я ничего не слышал, – говорит отец, – но про этот год Большой беды люди помнили и рассказывали друг другу как о примере мужества и сплочённости наших людей.

Почему отец, который сейчас болен и слишком слаб для такого длинного повествования, решил рассказать мне эту историю, я не знаю. Может быть, случайное слово или обрывок разговора натолкнули на воспоминание. А может быть, он сознательно выбрал время, решил, что именно теперь мне нужно этот рассказ услышать.

О добром человеке

Как-то в один пасмурный осенний день в Тлярату к отцу в гости заглянул Магомед Кебедов из Бежта. Они с отцом

были в приятельских отношениях, и если Кебедов приезжал в Тлярату, обязательно навещал отца. Одним словом, скучный пасмурный осенний день осветил для отца кунак из Бежта.

Магомед Кебедов – это тот самый человек, который в конце 1990-х своим трактором проложил через перевал автомобильную дорогу в Грузию. Человек, который всю жизнь занимается благотворительностью и добрыми делами, общественник, правозащитник, борец с коррупцией и произволом властей. Такой неугомонный тип, которого невозможно ни испугать, ни подкупить. Вот что Кебедов поведал отцу в тот день:

– После того как я открыл дорогу, весь Нагорный Дагестан начал ездить в Грузию и Азербайджан. Пошла торговля, перегоняли оттуда машины, туда возили продукты, разница цен была большая. Вспоминаю одну из последних поездок в Грузию.

Была, как и сегодня, поздняя осень и пасмурная погода. Очень хотел до закрытия перевала ещё раз побывать в Грузии, решить кое-какие вопросы и навестить своего кунака там. Выехал утром из Бежта. На перевале уже лежал снег, с большим трудом на грузовике ЗИЛ-131 я проехал и спустился в Цор. В ту же ночь пошёл к кунаку.

Оказалось, мой кунак, который раньше жил в роскоши и богатстве, еле сводит концы с концами. В его поведении даже в бедности чувствовалось достоинство, он делился с го-

стем – со мной – последним куском. Дома холодно, не заготовлено дров на зиму, крыша протекает. Дом совсем не ухожен, жена болеет, и сам он уже немощный старик.

Рано утром я встал, кунаку ничего не сказал, попросил топор у соседа, завёл машину и поехал в лес. За полдня заготовил полную машину дров, выгрузил их во дворе кунака, разложил, распилил, наколол. Поднялся на крышу и подлатал, где она протекала. Растопил печь, сделал хороший чай, налил всем троим и сел со стариками за стол. В комнате стало тепло и уютно. Трещали горящие дрова, легко шипел чайник, тикали часы. Старики молчали.

И я спросил у кунака:

– Ну что, дядя Карло, доволен ты? Как тебе чай?

Старуха заплакала и начала на грузинском благодарить меня. А старик махнул рукой и промолчал. Я чувствовал себя безгранично счастливым, мы оба понимали смысл этого молчания.

Вместе с тем погода ухудшалась, а мне надо было, пока перевал не закрылся, обратно в горы. С большими трудностями, через снега и бури я добрался до Бежта. В ту ночь выпал большой снег, и моя любимая солнечная Грузия, и кунаки остались на той стороне.

Я радовался, что успел им заготовить дрова. Это была одна из моих последних поездок в Грузию, по моей личной дороге. А потом её у меня украло государство.

Российские пограничники закрыли дорогу и границу и на-

всегда лишили людей возможности поехать в Грузию через Бежта. У Кебедова забрали дорогу, которую он делал для народа и для себя без помощи государства. А у нас у всех вместе с Кебедовым забрали Грузию и Азербайджан, родственников, которые живут в Цоре, многовековую историю и дружбу с людьми на той стороне.

Выживший

Это была поздняя осень 1946 года. Жители верхнего участка Тляратинского района через перевал спускались в Алазанскую долину, в Джаро-Белоканы, чтобы привезти оттуда пропитание на зиму – пшеницу везли, кукурузу. Поехал туда вместе с женой один тлебелав (житель Тляратинского района). В пасмурное осеннее утро он вышел с женой на базар в Белоканах, чтобы купить кукурузную муку для семьи. На базаре один жарский старик показал ему на облака, которые затянули небо, и сказал:

– Ожидается снегопад. Если тебе в горы надо, то вряд ли успеешь, никто не успеет в такую погоду... Между Белоканами и Джурмутом Большой Кавказский хребет, где снега бывают почти до лета.

К словам старика молодой человек не прислушался. Рискнул пойти в горы. Там, в горах, семья, маленькие дети, которые ждали родителей. Нельзя было не идти. Они с женой шли пешком, каждый на спине нёс больше половины мешка кукурузной муки и разную мелочь. Когда приблизились к перевалу, уже шёл снег, усиливался ветер. Горец с женой

остановились и посмотрели на оставшиеся внизу Белоканы.

– Если за три-четыре часа успеем перейти самую вершину, то по ту сторону будет легче, – сказал мужчина молодой жене.

Она плакала и умоляла: «Вернёмся обратно. Мне всё хуже становится, я не смогу больше километра пройти, а снег и буря всё усиливаются!».

На подъёме от Белоканов они встретили всадника, спускавшегося с гор. Он объяснил молодому человеку, что перевал практически закрыт и не смогут они перейти.

– Тем более, женщина не сможет, видно, что она совсем слабая, – сказал он. Жена сказала, что не пойдёт дальше.

Горец бросил на неё суровый взгляд и, не повысив голоса, сказал: «Ты хочешь вместе с падавав (азербайджанцем) вернуться?».

Она поняла упрёк и молча последовала за мужем. Ветер бил им в лица. Азербайджанец ещё помедлил, глядя, как теряются в начинающейся снежной буре два тёмных силуэта, и продолжил свой путь. На следующее утро во дворах Белоканов были метровые сугробы. И азербайджанец сказал белоканцам, что один тлебелав с женой пошёл в горы против бури. Судя по снегу, вряд ли он дошёл до дома, скорее достанутся их трупы волкам на перевале. Узнать о его судьбе невозможно – тогда не было никакой связи гор с Цором. Оставалось дожидаться весны и открытия перевала. Прошла зима, наступила долгожданная весна. Два джурмутовца, дя-

дя моего отца Али и его друг Шамсудин, отправились в Белоканы, чтобы забрать лошадей, оставленных там на зимовку. Почти полдня прошло, пока они добрались до перевала. Вытащили мешочек с толокном и сыром, пообедали и прилегли чуточку отдохнуть. Али почти задремал, а Шамсудин всё не мог успокоиться, время от времени с тревогой оглядывая окрестности. Вдруг он вздрогнул, оглянулся и крикнул Али:

– Ты слышал?!

– Что?

– Какой-то шум...

– Где?

– Где – не знаю, появляется и исчезает.

– Кажется, это шум куропаток, нет?

– Не знаю... нет!!! Нет!!! – крикнул он и побледнел.

– Я слышу зикру, зикру это!!!

Али потом рассказывал моему отцу, а тот передал мне. «Вокруг не было ни души. Только скалы, снег, и будто из-под земли шёл голос. Мы побежали на звук. С каждым нашим шагом этот хриплый слабый голос, читающий зикру, становился отчётливей и больше походил на человеческий. Мы обогнули обломок скалы, спустились чуть ниже и оказались перед громадным сугробом. На его белом боку темнело отверстие. Мы заглянули туда. Спиной к нам лежал человек и читал молитву. Худой как скелет, полуживой, он читал без остановки и слегка кивал головой то в одну, то в другую сто-

рону.

– Ле-е!!! – крикнул я.

Лежащий не повернулся. Я запрыгнул внутрь и шлёпнул его по плечу. Он вздрогнул, медленно, тяжело повернулся, и тут же закрыл глаза от резкого солнца. Его лицо бледное, заросшее бородой, было таким измождённым, что глаза казались огромными. Он всё время мелко дрожал и не мог говорить. Я схватил его под мышки, вытянул наружу и потащил по снегу дальше от сугроба, на солнце.

– А с ней что будем делать? – спросил меня Шамсудин.

– С кем это, с ней? – спросил я.

– Ты там женщину не увидел? Она мертва, – сказал Шамсудин.

Я кинулся обратно, и только тогда почувствовал сладковатый трупный запах. Она лежала в уголке снежной пещеры. Недалеко от неё, там, где лежал мужчина, был почти пустой мешок. Когда я поднял его, оттуда высыпалась горстка кукурузной муки... Они с женой вырыли эту нору, чтобы переждать бурю. Но, когда буря кончилась, оказалось, что перевал завалило. Не было дороги вперёд, к дому. Не было её и назад, в Белоканы. Через месяц жена умерла. Пять месяцев он провёл рядом с её трупом, питаясь кукурузной мукой, которую они не донесли своим детям. Выжил.

– Я помню его, он приходил в гости к дяде Али, человеку, который нашёл его и спас ему жизнь, – рассказывал мой отец. – Мне казалось сперва, что он передвигается на кор-

точках. Оказалось, безногий. Сначала обморожение, потом началась гангрена, пришлось ноги отрезать до бедра. «Ходил» он так: выбросит руки вперёд, обопрётся на них и подтягивает туловище с культями. Дожил почти до 70 лет.

Эту историю я рассказывал много раз, и каждый понимал её по-своему. Одни думали, что она о легендарном горце, которому хватило крепости духа, чтобы выжить в холоде, голоде, во мраке. Ни звери, ни стихия, ни голод не сумели забрать у него жизнь. Другие считали, она про то, как вера во Всевышнего и молитва спасли человека. А третьи говорили, что это всё про упрямство и гордыню. Из-за них горец не остался в Белоканах, погубил жену и сам чуть не погиб. Ещё есть такие, кто точно знает: история о том, какой тяжёлой и опасной была раньше жизнь горцев. И они все спорят и ругаются между собой. Я тоже спорщик, но тут молчу. Если кто и знал правильный ответ, так только сам этот горец. И не тот, молодой и сильный, что шагал к перевалу, не оглядываясь на жену. А безногий старик, который каждую ночь ждал, что смерть, белая как сугроб, встанет у его постели.

История голодного борца

– В Белоканах жил один лакец, который чисто знал наш джурмутский диалект и был в приятельских отношениях со всеми нашими. В то время он был достаточно состоятельным человеком в Цоре, – говорит отец. – Как-то в начале 1980-х я был у него в гостях с покойным Магомедом Османовым, нашим односельчанином, который работал в те го-

ды председателем райисполкома Белоканского района. Они с лакецем были кунаки. Лакец принял нас радушно, накрыл стол в саду, поставил большой графин кахетинского, хорошую закуску; шёл разговор о людях, об общих знакомых в горах и о Цоре. Османов прервал разговор кунака и спросил:

– Сулейман, сын как твой, что-то его не видел я давно.

– В город, кажется, пошёл – не знаю, был тут, – ответил лакец и замолчал. В его речи чувствовалось нежелание говорить о сыне. После непродолжительного молчания он всё же продолжил, – Сын мой родился через 18 лет после свадьбы. Он был для меня долгожданным ребёнком. Словами не объяснить мою радость. С его появлением я обрёл смысл жизни. Он рос умным, смышлённым мальчиком. Я серьёзно взялся за него с самого раннего детства: нанимал хороших учителей, записал на борьбу и нашёл хорошего тренера. Периодически ездил с ним в Грузию к хорошим специалистам – тренировали его и там.

Как-то в гости ко мне заглянул из Катеха один мой приятель Ибрагим, ваш джурмутовец, и сказал, что с женой развёлся. Новость, конечно же, неприятная. У него было двое сыновей, почти ровесники с моим. Спрашиваю о них, а он махнул рукой и говорит, что оставил их с матерью. Он был нагловатый, беспардонный тип, кутила. Вёл праздный образ жизни и коротал дни в кабаках Алазанской долины. А его сыновья в это время ходили по базарам Цора в поисках пропитания, убого одетые, порой я видел их без обуви. Никому

не было до них дела; брошенные на произвол судьбы, они ходили в лес за каштаном, дикими орехами и лесными ягодами, чтобы не умереть с голоду.

При каждой встрече я упрекал Ибрагима, что он в ответе перед Аллахом за этих детей и как отец должен обеспечить им хотя бы минимум – кормить их. И всякий раз он, махнув рукой, «не слышал» меня. Жалкая и голодная жизнь была у ребят. От худобы и недоедания они с трудом ходили, а потом и вовсе пропали. Говорили, что они в Грузии, но что они там делают, чем занимаются, я не слышал...

Как-то в Белоканах, возвращаясь с работы, увидел я возле базара большое сборище людей. Кто-то в толпе что-то выкрикивал, но разобрать слова было невозможно. Направился к ним. Один здоровый мужик держал шест перед людьми, отталкивал толпу и кричал: «Шире круг!!! Так вы не увидите, шире!!!». Спрашиваю у одного джарца, что тут происходит. Тот отвечает рассеянно, пытаюсь вырваться вперёд, в первые ряды:

– Пехлеваны выступали тут. Сейчас чидаоба (грузинская национальная борьба) будет – один джигит из Тушетии приглашает любого с ним побороться, выигравшему обещает в подарок чёрного барашка. Говорят, во всей Грузии и в Азербайджане никому не удалось у него выиграть... С ним наш белоканский аварец будет бороться, – добавил он.

В дальнем углу молодой человек надел гужгат (корот-

кая рубашка) без рукавов и нацепил пояс, приготовившись к схватке. Вдруг из-за моей спины, рассекая толпу, вышел красивый парень, обнажённый по пояс. Он был сложен как греческий атлет, загорелые плечи, могучие руки, каждая мышца выделялась. Надев гужгат с поясом, он подошёл к распорядителю. Народ шумел, из-за гула толпы было не разобрать, о чём говорят в центре. После непродолжительных переговоров все разошлись по своим местам и отдан был сигнал начинать схватку.

Грузин начал очень уверенно, схватил нашего за пояс и оторвал от земли. Через мгновение наш борец тем же приёмом швырнул соперника через себя прямо на землю. Весь базар заревел от радости. Народ побежал обнимать победителя. Когда я пробрался ближе, узнал его. Это оказался пропавший из Белокан старший сын моего друга Ибрагима. Тот самый сын, который, чтобы утолить голод, питался ягодами и каштанами, добытыми в лесу. Я обнял его, поздравил, но из-за рёва и шума сумасшедшей толпы не смог ни о чём его спросить. И я ушёл...

А у моего сына, которого я кормил икрой, ничего не вышло. Я ничего не понимаю, может, для того, чтобы они вышли в люди, их надо лишать всего и на улицу выгонять?.. – с горечью сказал Сулейман.

– У меня, педагога с пятидесятилетним стажем, не было однозначного ответа на этот вопрос. Каждого человека Всевышний одарил талантом, только его надо выявить и раз-

вить, – закончил отец свой рассказ.

Охотник

– Всем селом охотились они... У них, у камилухцев, веками сложившаяся традиция охоты, в отличие от других аулов Джурмута. Они не идут, как другие, когда вздумается, идут только в сезон. Как только горные вершины покроются снегами, начинается охота на туров. В это время у них бывает самое вкусное и жирное мясо. Я тоже любил это дело в молодости, много ходил на туров, на медведей. Был неплохим охотником. Но нет бараката в этом деле. Не зря ведь рассказывают, что горная серна сказала: «Чтобы съесть моё мясо, охотнику придётся сперва своё мясо есть». Имеется в виду «нелегко будет ему меня достать». Тяжёлое и очень трудоёмкое дело это. В подтверждение тем словам эти мои ноги, – сказал, указывая на больные суставы, отец.

– А что у камилухцев?.. – спросил я, возвращая отца к воспоминаниям.

– У них порядок в плане охоты. Отправятся человек 15–20, организуют сураг (загон дичи на стрелка), перебыют 20–30 штук и всё мясо делят поровну между собой. В остальное время года не ходят, охота закрывается.

– Если всё делить одинаково всем, это ведь нечестно будет. Быстрый молодой меткий стрелок и человек, не очень удачливый в охоте, как могут получить равные доли?

– Делили поровну, но остаётся определённое преимуще-

ство за тем, кто попал в дичь. Он забирает вместе с долей мяса ещё рога и шкуру.

– Неужели не было ни одного человека, который бы нарушал традицию? Если кто-то захочет сам без толпы пойти, это разрешается?

– Так-то могли ходить, штрафа или наказания за это не было. Просто люди были привыкшие, как волки, к «стайной» (командной) охоте. По их мнению, так было удобнее. Был один охотник, который не любил участвовать в этих охотничьих «кампаниях». Чаще всего ходил сам, и обязательно возвращался с дичью. Я был с ним в приятельских отношениях. Его звали Могорил АсхІаб. Такой умный мужик был, с юмором. Долго не мог я понять секрет его удачливости. Нельзя сказать, что он быстрее нас, уже в возрасте был. Стрелял тоже не лучше многих из нас. Но он бил без промаха и всегда с дичью возвращался. Поинтересовался я однажды у АсхІаба, в чём секрет. АсхІаб с хитрым прищуром посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

– В чём секрет, спрашиваешь? Я дичь убиваю терпением и медлительностью.

– Медлительностью? – повторил я в недоумении. – Как медлительность может пригодиться на охоте?

– Именно так. А вы с Исааком как сумасшедшие бежите за турами по горам. Иногда попадаете, но чаще без ничего остаётесь. Вы хотите бежать быстрее тура. Это не дело, тур и олень быстрее человека, это глупое и бесполезное дело, –

бросил АсхIаб и опять усмехнулся. – Их надо брать терпением.

– Как именно? Кроме как идти на тура и ждать удобного момента для выстрела, что там может быть? – спрашиваю я.

– Долго надо ждать, чем дольше ты ждёшь, тем больше у тебя вероятность получить добычу. Я готовлю себе еду на целые сутки, беру военный бинокль, поднимаюсь туда, где обычно бывают туры. И в каком-нибудь овраге или местах водопоя сижу терпеливо с биноклем. Всё время смотрю, есть ли что-нибудь на горизонте. В течение суток обязательно появится что-нибудь. Будь это тур или олень, косуля или козёл горный, а если очень повезёт, появится сам XIераб с медвежатами (*XIераб – «старый». Так называют джурмутовцы со стародавних времён бурого медведя. Особое отношение к этому животному в горах Антратля. Есть ритуальные мероприятия, фольклор, песенки и причитания, связанные с медведем. С чем это связано, трудно предположить, оставим это на изучение этнографам*).

– Вот тут начинается самое сложное, нужно ждать их приближения, – продолжил он. – Глупые, суетливые люди пытаются идти навстречу, ползком или на четвереньках добираться. Дичь очень легко чует запахи и малейший шорох, один неосторожный шаг – и ты теряешь её. Надо ждать, пока она сама к тебе направится. Если в лесу живут олени и ты возле речки, не может быть такого, чтобы они хоть через 10 часов не прошли на водопой мимо тебя. Жди и не торо-

пись с выстрелом. Как-то пошёл я на охоту, один пошёл, как обычно. Вижу, огромный бурый медведь исчез в зарослях кустарников. Осмотрелся я, а там пещера небольшая. Иду в село, беру винтовку, тулуп, еды и питья на сутки и возвращаюсь к берлоге. Сажу напротив неё, метрах в 20 наготове с ружьём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.